

Людмила Кирилловна Анцигина

Родилась в 1948 году. Живёт в Таре. Кандидат педагогических наук, доцент. Автор многих научных, публицистических статей.

Публиковалась в литературно-краеведческом альманахе «Таряне».

Просторы Омского севера в прозе Б. Пантелеймонова

В своих размышлениях «Заметки о русском» академик Д. С. Лихачёв писал: «Широкое пространство всегда владело сердцами русских. Оно выливалось в понятия и представления, которых нет в других языках. Чем, например, отличается воля от свободы? Тем, что воля вольная – это свобода, соединённая с простором, с ничем не преграждённым пространством» [1, с. 10].

Нам представляется интересным рассмотреть особенности языка Б. Г. Пантелеймонова, его индивидуально-авторское видение мира, акцентируя внимание на изображении пространства. С помощью каких средств он передавал в своих рассказах необъятные просторы нашего края?

В художественном тексте различают пространство повествователя и пространство персонажей. Их взаимодействие делает художественное пространство всего произведения многомерным, объёмным. В то же время главенствующим в плане его внутреннего единства, по мнению учёных, остаётся пространство повествователя, подвижность точки зрения которого позволяет объединить разные ракурсы описания и изображения [2].

В рассказах Б. Г. Пантелеймонова пространство повествователя (*рассказчика*) полностью совпадает с пространством персонажа (*мальчика, подростка, юноши*), так как в основе его творчества (*и это отмечают все*) лежит автобиографическая проза-воспоминание.

Мы проанализировали такую модель литературно-художественного пространства, как пространство географическое, понимая его как территорию с расположенными на ней взаимосвязанными географическими объектами.

Географическое пространство, воссоздаваемое в творчестве Пантелеймонова, носит реальный характер и представляет собой преимущественно изображение различных уголков Сибири, в частности Омского края (хотя в его произведениях мы встречаем упоминание и о других местах).

Материалом для определённых выводов послужили такие рассказы, как «Святой Владимир», «На Муромке», «Большая Елань», «Звериный знак», «Святое озеро», «Дядя и жизнь», «Беглый», «Закон тайги», «Бог лесной».

Для передачи пространственных координат автор использует различные языковые средства и способы:

1) **Обобщённые наименования природных зон и отдельных типов объектов, их заполняющих** (*лес, сосновый бор, урман, тайга, река, ручей, болото (болотце), остров, луг, кедр (кедрик), дом, улочка и др.*). Подобные слова встречаются практически в каждом рассказе.

2) **Собственные имена – топонимы** (*Тара, Муромцево, Муромка, Красноярка, Завьялово, Тобольск, Иртыш, Большая Елань, Марьяна топь и пр.*).

К примеру: *А вот история другого «катитана», моего дяди. Но не на реке Миссисипи, а на реке Таре, что впадает в Иртыш. Теперь о реке Таре. Тара впадает в Иртыш там, где город Тара. А мы жили в селе Муромцево, вёрст двести по реке от города Тары. – И вот – город Тара. Улиц не перечесть, не то что в нашем Муромцево. Некоторые имели даже своё название. Домов, как наш, может быть, целая улица. Тротуары – ими не пользуются, но как замысел – чудо («Святой Владимир»).* И там же:

– *Здравствуйте, молодой человек, – приветствовал меня Али-Хан-Бараба, – вы откуда будете? – Из Муромцева, – краснея, отвечаю басом. – Из Муромцева? Это где же, в Америке? – Село Муромцево Бергамацкой волости Тарского уезда, – становясь как пион и чувствуя себя в ловушке, отвечаю я.*

3) **Описательная характеристика местности (Сибирь, сейчас к ней – все глаза мира, а в моё время люди сделали из нашей страны только место ссылки («Беглый»)).** – *Прошёл час и другой, а я ещё очарованно глядел на медленно плывущие мимо таинственные страны («Святой Владимир»).* – *Опять думали о компасе, но в Муромцеве не достанешь, не в город же ехать за ним. Дядя, впрочем, всех успокоил – он знает Большую Медведицу и поведёт нас по звёздам («Большая Елань»).* – *Вы говорили: есть вишнёвый город, стоит около него синее тепло, небо сразу седьмое, солнечный луч дрожит от радости, живут там добрые люди. Есть, дядя («Дядя и жизнь»).*

4) Неотъемлемый атрибут воссоздаваемого географического пространства – его **ценностная ориентированность:** дорогим для автора уголкам присваивается высокий статус **«родной, родственной».** – *(Вон он (остров): маленький, родной, стоит среди озера («Святое озеро»).* – *Какое необозримое пространство отделяло нас от родного Муромцева! Что подельывают теперь там, во взволнованном селе? Помнят ли нас? Мать, наверное, беспокоится, не попали бы мы в шторм, а бабушка подумывает заказать молебен «о плавающих и путешествующих» («Святой Владимир»).*

«Родное» – так назывался и первый рассказ, опубликованный в 1946 году, – но-стальгическое возвращение в годы сибирского детства и юности. В первой книге этот рассказ назван **«Родная дорога».**

А вспомним, сколько в русском языке слов с этимологическим корнем **род (родина, народ, природа, родник, родинка,**

порода), и все они тоже встречаются в прозе писателя.

5) Важными приёмами передачи фрагментов географического пространства в прозе Бориса Пантелеймонова становятся **антропоморфизация** и **зооморфизация** объектов художественного изображения:

а) **образные конструкции (метафоры), фиксирующие отдельные типы переносов, механизм которых – художественный принцип наделения объектов природного мира признаками человека и свойствами мира артефактов, – вещей, в окружении которых живёт человек и которые особо близки ему (Ветерок проносится, морициту реку, старая ива **патлами** замечает воду, плачет, что-то («На Муромке»). – *Вода **бормочет, убаюкивая**, зелёные **пятна** луны расплываются на волне, бесенята, русалки... Да, люди самой хорошей крови, хотя и не знатные. **Хмель радости** нас обуревал. – **Мелкой серебряной монеткой** прорвалась через мглу луна, и туман зеленеет, искрится («Большая Елань»).* – *Месяц народился. **Снег как живой.** А мне не снег, опять полянка видится. Выскочил на неё карлик в колпаке, горбун. Месяц рогатый, и у карлика колтак рогом, на нём бубенчик. Карлик весёлый. Пляшет в обнимку с лунным лучом, скачет через него, кувыркается. Бубенчик нежно позванивает («Звериный знак»).* – *Малиновые горы, голубая река, лесная царица с синими кругами у расширенных глаз, когда-нибудь человек не будет одинок: найдут знак звериный. Зверь, издыхая, будет смотреть на тебя верными глазами («Звериный знак»).* – *Одна **щёчка** у ягоды, к солнцу, – красная. И в жизни каждого – которая сторона была повернута к солнцу, она радостная. – **Бледнеет** на синеве неба молодая берёзка, листья её по ветерку отливают то блеском, то бархатом; крошечный кедрик, ещё совсем **дитя**, его легко отличить от родственницы сосны: зелёные иглы растут у него пучками, на стебельке, а у сосны иглы поднимаются прямо от веток.***

Отдельно, как бы **совестясь**, стоит осина. – Среди мха зелёные бусинки – клюква, потом она нальётся красной и сахаром. Потянуть за бусинку – **поднимается** длинная ниточка-стебель, усыпанный мелкими лакированными листками. – А вот уйдём – здесь поднимется такое! Сосны будут **махать** ветвями, **пересказывать** своё – как мы прошли, какие из себя и что каждая **почувствовала** («Большая Елань»). – Надо было и остров изучить, чтоб ни одного кустика незнакомого не оставалось, и дорожку в траве протоптать, и посмотреть на белку – оказалось, живёт на кедре, тоже зимой прибежала, – и **шалаш** делать, и **пещеру копать**, на лодке **прокатиться** и **удочку закинуть** («Святое озеро»);

б) приём **зооморфизации** заключается в **уподоблении природных объектов представителям животного мира** – в данном случае смысловой основой метафоры становятся элементы внешнего облика животного (детали физического строения, окраска и т. д.) (Гляжу на **цветные** облака, как они **поворачивают хвостом**, и думаю о страшном законе. – Над озером стоит туман, где **дрожит луч солнца**, клубятся развалины крепости, **мохнатый зверь**, **невиданное чудовище** («Святое озеро»). – Волны перекачиваются, как **гусиные лапки**.

б) **Местоименная лексика**: наречия (там, здесь, вверху, внизу и пр.), **местоименные отдельных разрядов, много притяжательных**. – (Выясняется и **наша** ближайшая цель: идём на страшное болото, **нам его надо** во что бы то ни стало **пересечь**. – Так вот он **какой**, урман? – **Наша** дорога **идёт** мимо острова, около болотца, к сосновому бору. **Этим бором вёрст** пять **идти** – винокуренный завод, а дальше, **кажется, всё** кончалось – урман. К вечеру, **пожалуй, дойдём, там** переночуем, и **начнётся настоящее**. – Почему бы **нам** не **обследовать наш край**, **никто** не знает, что у нас есть: **может, золото, может, драгоценный камень?** («Большая Елань»). – На

нашем берегу, около плотины, привязана большая лодка («На Муромке»).

7) По способу изображения географическое пространство является динамичным. Идея движения передаётся традиционными типами конструкций, организуемых **глаголами с семантикой движения** – перемещения (в прямом и переносном значениях). – (Последняя ночь. **Заснуть не могу, сижу у воды, смотрю. Река, в потемневших берегах, широкой серебряной полосой бесконечными рядами катит** волны, и там, **дробясь, отражаются** круги звёздных светил. Волны, **набегая** на берег, что-то шепчут, что – **понять** нельзя. Будут они **шептать** и после нас, и после многих поколений и всё о том же, чего не **понять**... Между **зыбью** волн и **звёздами мчатся** облака, **закрывают** порой луну, и **кажется, облака** стоят, а **луна бежит**. Одичалая **грозда** вод **катится** мимо и мимо («Беглый»). – Вечером я **теперь любил уходить** один на реку, **забирался** на плотину, шёл к мельничному колесу. Шумела вода. Луна **плывёт** в реке или **раскалывается** на мелкие куски в волнах, потом **куски** опять **соединяются**. Вечерами уже **прохладно, поднимался** туман от воды, шёл по волне, строил космы русалок, **бороду старого мельника, а то, казалось, идёт** кто-то по реке в лёгкой кисее. И мне **хотелось плакать** – **жалел** своих лошадок: **есть ли у них счастье** – старался **угадать** их судьбу, а о своей судьбе не думал. **Поднимал** голову, **вглядывался** в луну. На ней **мальчик** стоит, **ноги расставил, и долго** **смотреть** нельзя: **Бог послал** луну, чтоб люди **тосковали**, и как **пусто** было бы на земле без луны! («На Муромке»).

«Пейзаж России на всём её богатырском пространстве как бы пульсирует, он то **разрежается** и становится более **природным**, то **сгущается** в деревнях, погостах и городах, становится более **человечным**» (Д. С. Лихачёв, с. 18).

8) Особенностью **колористической организации пейзажа** в рассказах Б. Пан-

телеймонова является **эмоционально-экспрессивная насыщенность тона**. Преобладающие цвета палитры (колоративы) – зелёный, голубой, синий, розовый, красный, багряный, лиловый, золотой. – (Солнце закатывается – на небе **красное, зелёное, синее**. – А кругом тишина и голубое: озеро и небо. – Я оглянул озеро – голубое: васильки свой цвет дали. – Вышли мы из леса, остановились. В озере утопает **багряное** солнце, облака **лиловые и розовые**, небо залито красками, а озеро большое, без конца, и ворожит: не знаешь, куда смотреть – на небо или воду («Святое озеро») – **Зелёные** бусинки – клюква. – В запасах Никиты есть ещё три картошины, большие, с глазками, какие-то **лиловые**. – Когда на корточках забралась внутрь, – там пахнет свежим веником и полумрак **зелёный**. – Над болотом играют краски заката: облачка красятся в **зелёное, синее, красное**, идут цветными пятнами, тянутся полосками, завитушками. Солнце **медное**, кто-то за ниточку тянет его вниз, потом только свет от него остался. – Кора у сосны **красная с серым** налётом. Местами течёт по ней серка – светлая, прозрачная, но только очень уж липкая. Когда на кору падает пятно света – **золото**, куда ни взглянешь, весь лес в **золотых** пятнах («Большая Елань»). – Сапог не надеваем, они валяются в **зелёном** шалаше, связанные за ушки, ходим, подсучив штаны выше колена («Святое озеро»). – Проснёшься на минутку, кругом **золотистые** листья, гуси на юг летят, осень («На Муромке»). – Оглянулся последний раз на **красно-зелёные** огни, поворачиваюсь к уютной темени леса, потом гляжу

на **яркие мигающие звёзды** и иду к костру. – Ивы обвисают над рекой, корни берёзки, обнажённые очередным обвалом, и **синие** пахучие ёлки («Святой Владимир»).

Таким образом, географическое пространство в рассказах Б. Пантелеймонова имеет сложную структуру, что обеспечивается **комплексом различных языковых средств**.

Б. Г. Пантелеймонов своим творчеством показал всему миру и позже всех, к сожалению, России, что он истинно русский писатель, хотя жил, писал и умер далеко от родных мест. В предисловии к трёхтомнику писателя «О Борисе Григорьевиче Пантелеймонове с любовью и почтением» доктор философских наук, профессор ОмГУ Николай Николаевич Мисюров отмечает: «Десятилетия прошли с тех пор, почти век минул, но что изменилось по существу? Те же волшебные скромные краски родной природы Омского края, то же вдруг открывающееся человеку величие Божьего мира, столь же понятная и ныне живущим ностальгия по счастливым дням безмятежного детства. Какая сила выражения, какая гармония в этих зарисовках! Вот это и есть литературное мастерство!» [3, с. 8].

Будем читать и наслаждаться!

1. Лихачёв, Д. С. Заметки о русском / Д. С. Лихачёв. – Москва: [б. и.], 1984. – 64 с.

2. Николина, Н. А. Филологический анализ текста / Н. А. Николина. – Москва: [б. и.], 2003. – 256 с.

3. Пантелеймонов, Б. Г. Собрание сочинений: в 3 томах. Т. 1: Рассказы: Повесть «Маклаево братство» / Б. Г. Пантелеймонов; [ред.-сост. И. А. Махнова, В. И. Селюк]; Министерство культуры Омской области. – Омск: [б. и.], 2014. – 464 с.